

Уже в 1936 г. произошла перемена в служебном моем положении. В этом году прекратилась деятельность Комакадемии и ее Института истории. На базе этого института и московской группы Историко-археографического института Академии наук был создан Институт истории АН СССР, а Историко-археографический институт преобразован в Ленинградское отделение Института истории АН СССР (ЛОИИ АН СССР).

За редким исключением сотрудники московской группы Историко-археографического института вошли в состав нового Института истории АН СССР, где образовали его археографический сектор. Заведующим сектором был назначен Е. А. Мороховец, и группа продолжала подготовку публикаций документов, начатую еще в предшествующие годы. Как я упоминала, готовился ряд публикаций по истории народов СССР, но кроме того готовились к изданию списки «Русской Правды» (М. Н. Тихомиров), и группа в составе А. Н. Сперанского, В. И. Шункова, Н. В. Устюгова, Н. Г. Бережкова готовила трехтомную публикацию о ремесле и формах найма в Русском государстве XVII в.

Возглавлял вновь созданный Институт истории Н. М. Лукин, а его заместителем был А. Г. Иоаннисян. Археографический сектор оказался в составе Института истории «инородным телом». Среди сотрудников его не было ни одного члена партии. Не готовились и публикации по советскому периоду, и только одна «заходила» в XIX в. Создалась напряженная обстановка. Я очень чувствовала это, так как Е. А. Мороховец попросил меня быть ученым секретарем сектора взамен С. А. Никитина, который не перешел из «московской группы» в Институт истории, а был приглашен профессором в Историко-архивный институт. Меня не раз вызывали в дирекцию и в присутствии секретаря партийного бюро института и председателя месткома задавали ряд вопросов относительно политического лица сотрудников сектора (вызывали меня не к Лукину, а к Иоаннисяну).

Мы с Е. А. Мороховцом понимали, что готовятся какие-то перемены в составе сотрудников сектора. Они действительно произошли и оказались для сектора чрезвычайно благоприятными. В состав сектора были включены четыре новых сотрудника. Это были члены партии сравнительно молодого возраста. Среди них была П. Н. Шарова.

Полина Наумовна рассказывала мне уже много позднее, что ее не раз вызывали и говорили о необходимости сокращения некоторых сотрудников из археографического сектора, но она защищала и имела в этом успех. Я понимаю, почему П. Н. Шарова заняла такую позицию. Все четверо новых сотрудников совершенно не *были* подготовлены для серьезной и ответственной работы по подготовке публикаций документов. Е. А. Мороховец прикрепил каждого к опытным ученым сектора, а П. Н. Шарова стала его помощницей по тому «Крестьянское движение в XIX веке». Все, получившие поручения от Е. А. Мороховца, и он сам с исключительным вниманием относились к своим ученикам, которые понимали, насколько ценная работа ведется в археографическом секторе. Мороховец был очень серьезным исследователем, работал по истории русского крестьянства XIX в., был прекрасным организатором науки, пользовался глубоким уважением и любовью со стороны сотрудников. Скончался во время войны в эвакуации в Казахстане после тяжелой болезни.

Наступил 1937 год. Этот год был годом тяжелых потрясений, массовых арестов и репрессий, которые коснулись главным образом членов партии. Эти события, как и «дело историков», остаются неизученными в советской литературе. Возможно, что в ближайшие годы в этом смысле будут какие-то изменения. В Институте истории были репрессированы очень многие сотрудники бывшего Института истории Комакадемии, прежде всего его директор Н. М. Лукин и его заместитель А. Г. Иоаннисян, ученики В. И. Невского, репрессированного ранее, С. А. Пионтковский и Н. Н. Ванаг и их ученики.

Я была беспартийной и не была сколько-нибудь близко знакома с теми репрессированными сотрудниками института, которые были членами партии. Я была знакома только с В. И. Невским, который тогда был одним из руководящих деятелей в Библиотеке им. Ленина, где я много работала в Отделе рукописей. В связи с этим я не раз бывала у Невского на приеме в его кабинете в Ленинской библиотеке. Владимир Иванович вел себя очень неосторожно и, видимо, не только в разговорах со мной. Так, в своем кабинете он говорил со мною о том, как тяжело проходит коллективизация, и я слышала от него такую фразу: «Вы, представитель дореволюционной русской интеллигенции, можете ли Вы смотреть равнодушно на то, что происходит с русским крестьянством?» Очевидно, эта неосторожность и была причиной его раннего ареста. О неосторожности его высказываний говорили мне и другие знакомые мне историки.

Эти события привели к коренной перемене и в руководстве Институт истории, и в составе его сотрудников. В 1938 г. директором института был назначен вызванный из Ленинграда академик Б. Д.

Греков, возглавлявший тогда в Ленинграде ЛОИИ. В состав сотрудников были включены возвращавшиеся тогда в столицу историки, привлекавшиеся по делу 1929—1930 гг. (С. В. Бахрушин, В. И. Пичета, И. А. Голубцов и др.). Заведующим сектором феодализма в эти годы стал В. И. Лебедев, который с помощью П. К. Алефиренко стремился вовлечь возвратившихся из ссылки ученых в научную работу и окружил их вниманием. Так же вела себя и А. М. Панкратова.

Б. Д. Греков был видным археографом, чрезвычайно ценившим подготовку публикаций документов. Однако с его назначением директором археографической сектор был закрыт. Это было вызвано тем, что его сотрудники были нужны для выполнения ряда крупных коллективных работ, которые тогда считались первоочередными. Назову три из них: учебник по истории СССР для вузов, многотомная «История СССР» и сборники с критикой *работ* М. Н. Покровского. Все эти работы были поручены Институту истории в связи с тем постановлением о преподавании гражданской истории, которое было опубликовано за подписями Кирова, Жданова и Сталина. Постановление это требовало подготовки новых учебников, которые бы заменили социологические схемы конкретным изложением исторических событий в марксистском освещении. Все работы *были* срочными. Учебник для вузов, выполненный совместно с кафедрой истории СССР исторического факультета МГУ, вышел в свет уже в 1939 г., а пять томов «Истории СССР с древнейших времен по XVIII в. включительно» — к 1941 г. были в машинописи уже подготовлены.

К выполнению этой работы был привлечен широкий круг ученых, специалистов по тому или иному периоду, и работа шла не только с напряжением, но и с большим подъемом. Одна сторона и того, и другого издания была принципиально новой: здесь давалась история не только русского народа, но и народов СССР. Я была привлечена при подготовке учебника к работе по составлению хронологической таблицы. Руководство этой работой было поручено Н. Г. Бережкову, который взял на себя период по XV в. включительно, а мне поручил XVI—XVIII вв. Требовалась проверка по источникам каждой даты. Аналогичное поручение было дано нам с Н. Г. Бережковым и при подготовке «Истории СССР». Предполагалось, что к томам этой истории будет приложен отдельный небольшой том научной хронологии. Для «Истории СССР» в качестве автора я написала небольшую главу «Дворянство при Петре Великом» (она была мне поручена, очевидно, в связи с тем, что в 1928 г. вышла моя работа о крепостном хозяйстве саратовских дворян Шахматовых), а также все небольшие главы по истории народов Северного Кавказа.

До войны же были изданы два тома критики работ М. Н. Покровского. Как я вспоминаю, эта работа выполнялась также с подъемом, но была выполнена без достаточного учета исторической обстановки, в которой писались работы Покровского. Эти два тома и состав их авторов показывают, насколько широко было распространено мнение о вреде деятельности Покровского для развития исторической науки.

Ученым секретарем Института истории был в эти годы С. К. Бушуев. Когда формировался состав авторов сборников, он вызывал намеченных по списку и давал срочные поручения. Вызвал он и меня, сказав, что мне поручается написание главы о дворцовых переворотах XVIII в. Работа была срочной, этой темой я никогда не занималась и отказалась от этого поручения, что вызвало серьезное недовольство С. К. Бушуева. Мой отказ в известной степени был вызван не только незнакомством с темой, но также и тем, что в те годы я по совместительству была доцентом Московского педагогического института им. К. Либкнехта, где специальное заседание кафедры было посвящено вопросу о М. Н. Покровском. Тогда в этом обсуждении принимал участие заведующий кафедрой педагогики А. И. Стражев, который указал на необходимость учета обстановки, в которой *работал* Покровский, и принимавшие участие в обсуждении поддержали его. Это дало мне возможность понять, что критика Покровского ведется в форме кампании, которая может привести к перегибам, что позже и обнаружилось.

Очевидно, в связи с напряженной работой по указанным объектам работа над монографиями как плановая не велась.

Уже в 1940 г., а тем более в первой половине 1941 г, чувствовалось приближение войны. Так, в Институте истории все сотрудники проходили специальную подготовку — знакомство с опасностями газовой атаки с употреблением противогазов и специальных костюмов, а также с противопожарными мероприятиями и т. д. В какой-то степени сказывалось это и на научных занятиях. И все же 22 июня 1941 г. было неожиданным. Услышав по радио извещение о начале войны, я сейчас же поехала в институт. Чувствовалось, насколько мы все потрясены. Уже в первые месяцы войны стало ясно, насколько тяжелой будет война, которая может создать угрозу и для Москвы. Началась подготовка эвакуации прежде всего матерей с детьми. Была создана комиссия, членам которой давались поручения по выявлению в близком к зданию Института истории районе подлежащих эвакуации (в это время Институт истории помещался в здании бывшей Комакадемии на Волхонке). Такое поручение было дано

и мне. Предполагалась эвакуация из этого района в Тульскую область. Уже в июльские дни, ближе к середине июля эвакуация и началась. Из близлежащих к зданию института домов матери приносили уже упакованные вещи, которые складывались в институте с тем, чтобы потом их переправили на вокзал.

Требовались тогда и ночные дежурства, так как ожидали начала бомбардировок Москвы. Днем 22 июля я дежурила на Волхонке, куда приносили вещи, и около 11 часов вечера передала дежурство и вышла на улицу. Трамваи в это время уже не ходили, а станции метро также закрывались для поездок. Я пошла пешком и на углу улицы Горького услышала гудок сирены. Спустилась в станцию метро, которая была уже полна народа. Это была первая бомбардировка Москвы. Причем в станции все же были слышны и взрывы, и выстрелы орудий зенитной обороны. Гудки отбоя тревоги были, кажется, часов в 6 утра. Тогда я пешком и дошла до своего дома во втором Неглинном переулке. Поднявшись на свой седьмой этаж, я увидела из окна дым пожаров. С этой ночи бомбардировки Москвы продолжались в течение месяца каждую ночь, за исключением воскресений. Сейчас при современной технике они не кажутся особенно грозными, тогда воспринимались иначе.

Кроме эвакуации женщин с детьми началась тогда и эвакуация некоторых заводов, учреждений, а в Академии наук — членов академии: академиков и членов-корреспондентов. Тогда уехал в Казань и Б. Д. Греков с семьей. Его в значительной степени заменила А. М. Панкратова. Начались и ночные дежурства всех сотрудников в помещении института и жильцов на чердаках своих же домов. У меня *была* внутренняя потребность после каждой ночной бомбардировки идти или ехать туда, где, как передавалось по слухам, были разрушения. Но во время дежурств мне ни разу не приходилось видеть даже раненых. Возможно, поэтому я не испытывала чувства страха.

Военные события вызвали необходимость сокращения штата Института истории. Я была включена в список лиц, подлежащих сокращению. Меня вызвала А. М. Панкратова, зная, что я бывшая саратовка и что у меня там родные. Она уговаривала меня уехать в Саратов, обещала дать характеристику, которая помогла бы мне найти работу в Саратовском университете. Но я от этого отказалась, так как по институту им. К. Либкнехта у меня оставалась ставка. Такое положение продолжалось месяц или полтора. В институте прошла новая мобилизация среди сотрудников и, таким образом, освободились ставки. Анна Михайловна вызвала меня, и я была оставлена в штате института <...>

Еще в 20—30-е гг., когда я не раз *бывала* в научных командировках в Ленинграде, у меня установились научные связи с ленинградскими историками. Переписка продолжалась и в начале войны. А под Ленинградом в Пушкине жил с семьей мой учитель по Саратовскому университету С. Н. Чернов, уехавший из Саратова, как я уже писала, еще в 1929 г. Когда началась война, он был профессором Института народов Севера в Ленинграде. И в такой степени неожиданными были первые месяцы войны и тяжелые неудачи на фронте, что, когда начались бомбардировки Москвы, а в Ленинграде их еще не было, Сергей Николаевич звал меня в Ленинград, узнав о моем сокращении в институте, обещая помочь мне найти хорошую работу. Я, конечно, отказалась от этого. Последняя из полученных мною от Сергея Николаевича открытка была от начала сентября. А уже в 20-х числах сентября Пушкин был занят немцами. Я получила сообщение из Ленинграда, что С. Н. Чернов с семьей остался в оккупированном Пушкине. Началась блокада Ленинграда, и переписка с Ленинградом стала очень затруднительной.

В октябре оказалась под угрозой уже Москва. В памятные октябрьские дни физически здоровые сотрудники института должны были участвовать в оборонных работах под Москвой. Я должна была ехать в Кунцево рыть окопы. Назначен был день, когда я обязана была явиться на сборный пункт в институт с ватным одеялом и небольшим запасом продовольствия. Но утром назначенного дня было уже ясно, что этот отъезд не может состояться. Я приехала в институт, где сотрудникам предлагалось на следующий день явиться к зданию академической Библиотеки общественных наук с рюкзаком и необходимыми вещами с тем, чтобы идти пешком в сторону Горького. Весь этот день я ходила по Москве, стараясь понять, что происходит. У меня было впечатление паники. А к вечеру это впечатление не подтвердилось, так как я услышала по радио выступление Щербакова, который сказал о том, что магазины и столовые на следующий день будут работать, как обычно. На улице же я повстречалась с библиографом А. А. Боровским (сотрудником Библиотеки АН), и мы с ним решили не идти пешком. Я приняла это решение также и потому, что в Москве в это время жила моя тетьа Е. А. Бекетова, уже очень пожилая. Но из сотрудников института некоторые на следующий день ушли пешком. А так как такого же характера указания давались в ряде учреждений, ушла пешком и часть жителей Москвы. Предполагалось как бы повторение 1812 года.

Сотрудники, оставшиеся в Москве, начали подготовку к эвакуации материалов Института истории. Для этого были нам даны в большом количестве прекрасные деревянные ящики, куда мы и упаковали

материалы, составляя в двух экземплярах описи каждого ящика. Один экземпляр должен был остаться в Москве. А затем эти ящики были перегружены в вагоны и отправлены в один из уральских городов, откуда после окончания войны и вернулись в целости. Потерян был только один ящик. Ушедшие пешком в сторону Горького сотрудники института затем частью через Казань были направлены в эвакуацию в Ташкент, куда из Казани приехал и Б. Д. Греков. В ноябре оставшиеся в Москве сотрудники института — и одинокие, и семейные — также готовились к эвакуации в Ташкент, причем, чтобы остаться в Москве, нужны были какие-то серьезные причины. Так, по болезни остался в Москве Н. Г. Бережков.

Для Института истории и, очевидно, некоторых других академических институтов был дан эшелон. Отъезд состоялся в конце ноября. Тогда, когда я выходила на балкончик своего седьмого этажа, уже можно было слышать отдаленную артиллерийскую стрельбу. А вот бомбардировки Москвы прекратились уже с конца августа. Очевидно, немецкое командование было так уверено в том, что Москва нужна для зимовки, что было принято решение ее не разрушать.

Выехала я с эшелоном, но в Ташкент попала значительно позднее: только в начале июня 1942 г. Причина этого была следующей: в октябре—ноябре оборвались мои связи с саратовскими родными. Тогда уже Павелецкая дорога, связующая Москву с Саратовом, была перерезана: немцами была взята Кашира. Но почему-то я не получила ответа даже на телеграммы. Между тем на одной из станций Рязанской области мы оказались рядом с составом, который шел кружным путем из Москвы на Саратов. Я попросила отпуск без сохранения содержания на месяц. В вагоне же мне была дана эта бумага, и товарищи пересадили меня в соседний состав. Железнодорожное сообщение тогда осуществлялось с напряжением, и я попала в Саратов чуть ли не через неделю. Своих родных я нашла здоровыми, но условия переезда были настолько трудными, что через две недели я заболела в Саратове сыпным тифом. Около двух месяцев лежала в инфекционной клинике Саратовского мединститута, затем была выписана, но бюллетень у меня сохранялся до конца мая. И болезнь была тяжелой, и трудным был период выздоровления, так как в Саратове были очень серьезные продовольственные затруднения. Только тогда, когда силы несколько восстановились и когда бюллетень был закрыт, я решила на переезд в Ташкент.

Ехала я из Саратова в Ташкент вместе с дочерью А. М. Панкратовой, с Майей Панкратовой, которую Анна Михайловна отправила в Саратов еще в начале войны. С Саратовом у нее были тесные связи, так как в конце 30-х гг. она на ряд лет была выслана в Саратов из Москвы. Добрались мы до Ташкента не без труда, так как на р. Самаре был сорван плотом мост, но в Ташкенте я, наконец, снова оказалась в привычной для меня среде. Из Ташкента мы вернулись в Москву в июне 1943 г., т. е. я там пробыла около года. Это был тот год войны, когда уже сказывался некоторый перелом в ходе войны, который определяли битва за Москву и Сталинградская битва. И, несмотря на продолжение войны, крепла уверенность в победе, и это сказывалось на том, как мы, историки, продолжали работу в эвакуации.

Мы были гостями Узбекистана. И чтобы как-то отплатить за гостеприимство, сотрудники Института истории подготавливали материалы для обобщающей истории Узбекистана. Так как я приехала в Ташкент позже других, и темы по периоду феодализма были уже распределены, мне досталась земельно-водная реформа в Узбекистане в 1920-е гг. К концу моего пребывания в Ташкенте я написала текст около 3 п. л. Конечно, мне недоступны были архивные материалы, я работала только по печатным источникам. Но характер и ход реформы все же удалось в известной степени восстановить. Я думаю, что для меня это оказалось возможным именно потому, что я была специалистом по периоду феодализма, а реформа эта была направлена на то, чтобы разрушить оставшиеся еще в силе феодальные порядки.

Жили мы в общежитии, отведенном для нашего института, институтов экономики и этнографии АН СССР в здании Балетной школы имени Тамары Ханум, большом трехэтажном здании, занимавшем квартал. Каждое утро мы собирались у громкоговорителя и слушали очередное сообщение, слушали голос Левитана, а затем расходились на работу, кто в архив, кто в библиотеку, кто в помещение, отведенное в нашем же здании для работы. Работали мы с интересом и с чувством ответственности. Научные сотрудники Института истории читали также научно-популярные лекции и были связаны со Среднеазиатским государственным университетом. Находившийся в эвакуации в Ташкенте драматург В. Соловьев читал московским историкам в рукописи свою драму «Великий государь». Она вызвала критику, особенно со стороны С. Б. Веселовского и С. В. Бахрушина, указавших на идеализацию Ивана Грозного. Не помню, учел ли он хотя в какой-то степени эти замечания при постановке своей драмы в Москве.

Замечательным было и то, что ряд сотрудников продолжали, а некоторые и начинали работу над

монографиями. Тут была уверенность не только в победе, но и в том, что научные исторические труды необходимы <...> Так, именно, в Ташкенте ленинградский историк И. И. Смирнов начал работу над своей монографией по истории восстания Болотникова, а С. Н. Валк начал готовить материалы для книги о начальной истории древнерусского акта и второе издание своей книги «Советская археография». Я назвала двух историков-ленинградцев, они оказались в Ташкенте потому, что ряд сотрудников Ленинградского отделения был эвакуирован из Ленинграда, некоторые — еще до начала блокады, а другие — во время блокады и оказались в конце концов в Ташкенте. Это привело к тесному научному общению ученых Института истории с учеными Ленинградского отделения. Кроме названных мною Смирнова и Валка в Ташкенте были Б. А. Романов, А. В. Предтеченский, Ш. М. Левин с семьей и некоторые другие. Именно благодаря этому году я особенно сблизилась с Романовым, Валком, Левиным, а также И. И. Смирновым.

Я привезла из Москвы *сначала* в Саратов, а затем и в Ташкент чемодан с машинописными копиями документов Посольского приказа по сношениям Москвы с Дагестаном и некоторыми другими народами Северного Кавказа и находила время, чтобы над ними поработать. В Ташкенте побывал академик В. П. Волгин, чтобы ознакомиться с тем, как Институт истории живет в Ташкенте и чем заняты его сотрудники, и остался очень доволен тем, что научная работа продолжалась. Вместе с тем, конечно, сотрудники привлекались на всевозможные работы, имевшие и оборонное значение. Так, мы должны были следить за уборкой территории Ташсельмашзавода, который в это время был переоборудован в оборонный. Посылались и на сельскохозяйственные работы: на борьбу с вредителями на свекловичных плантациях и, конечно, на уборку хлопка. В последней работе я принимала участие, так как тогда, к осени уже восстановила силы. Работали мы более месяца, *работа была* физически трудной и непривычной для нас, но мы воспринимали ее как помощь фронту.

Мои беглые воспоминания о военных годах ни в какой степени не передают всю тяжесть и значительность пережитых военных лет. Так, приходили и из Москвы, и из Ленинграда (о них сообщала Б. Д. Грекову оставшаяся в блокадном Ленинграде К. Н. Сербина) известия о потерях, о пропавших без вести (народное ополчение в Тульской области попало в окружение, из него удалось выйти после нескольких месяцев отсутствия Н. В. Устюгову, пережил окружение нашедший приют в крестьянской избе П. Г. Рынзюнский). В Ташкенте Институт истории потерял талантливого исследователя внешней политики России XIX в. А. Л. Попова и молодого сотрудника-мордвина В. Ледяева. Меня потрясло известие о том, что С. Н. Чернов, остался в оккупированном немцами Пушкине. Уже после окончания войны стало известно, что он скончался в январе 1942 г. от недоедания.

Саратовский историк Г. Д. Бурдей подготовил монографию на тему об исторической науке в годы Великой отечественной войны При обсуждении ее первого варианта в секторе феодализма Института истории СССР АН СССР было выражено пожелание о большем внимании к влиянию культа личности Сталина и отражению культа в написанных и изданных И. И. Смирновым и С. В. Бахрушиным брошюрах «Иван Грозный». Насколько я помню, обсуждение монографии Г. Д. Бурдей состоялось или в конце 70-х или в начале 80-х гг. и проходило в секторе феодализма, очевидно, потому, что сектор проявлял к этому особый интерес: в монографии Бурдей упоминались многие работы по периоду феодализма, писавшиеся и издававшиеся в годы войны.

По моим представлениям, брошюра И. И. Смирнова, которую позже очень резко критиковал вернувшийся в 50-е гг. в Москву С. М. Дубровский (был выслан из Москвы в 1937 г.), была написана не под влиянием культа личности, а в связи с тем, что в условиях войны внешняя политика Ивана Грозного, сохранившая на века свои основные направления, привлекала особое внимание.

Вскоре после возвращения в Москву возобновилась подготовка к печати написанных до войны томов «Истории СССР», которые и были позднее изданы как тома «Очерков истории СССР». Война вызвала необходимость некоторых изменений, особенно в главах по внешней политике России и посвященных народам СССР и политике правительства в отношении к ним. Так как подготовленный до войны вариант имеется в научном кабинете Института истории СССР, желательно проделать сравнение этих двух редакций для понимания внесенных в «Очерки» изменений и для решения вопроса о том, в какой степени эта доработка вызывалась культом личности Сталина. Думаю, что основной причиной была перенесенная страной война. Может *быть*, такой анализ представит историографический интерес.

Тогда же началась работа над двумя новыми коллективными изданиями института. В 1947 г. отмечалось 800-летие Москвы. Срочно готовились тома «Истории Москвы», которые затем и начали

* См.: Бурдей Г. Д. Социальные функции советской исторической науки в годы Великой отечественной войны: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990.— *Ред.*

издаваться. Первый том был издан еще до кончины Сталина и был представлен к Сталинской премии. Участвовавшие в его написании и должны были ее получить. Даже были сделаны наши фотографии. Но кончина Сталина привела к тому, что это не было выполнено. Не могу сказать, что это было для нас разочарованием.

Тома «Всемирной истории» готовились, конечно, главным образом сотрудниками института — специалистами по всеобщей истории. Но так как в этих томах были главы, посвященные и истории России, специалисты по истории СССР также участвовали в этом издании. Мне досталась глава о политике России на Кавказе в XVI—XVII вв.

Как я указывала выше, до войны в планах работы института почти не было монографий, в послевоенный период это положение несколько изменилось. Перемены были вызваны тем, что еще во время войны для возмещения потерь ученых Президиум Академии наук принял постановление о расширении приема в аспирантуру и докторантуру институтов Академии наук. Причем указывалось на особую ответственность директоров институтов в отборе в аспирантуру и докторантуру с тем, чтобы это была действительно подготовка новых достойных кадров. Прием в аспирантуру и докторантуру начался еще в Ташкенте, затем был продолжен в Москве. И уже в послевоенные годы началась защита диссертаций и издание некоторых из этих монографий. Этому посвящена моя статья, вышедшая в № 3 журнала «История СССР» за 1986 г. К сожалению, по условиям печатания в этом журнале она подверглась значительному сокращению: были опущены персональные сведения о специалистах по всеобщей истории и по славяноведению, прошедших аспирантуру и докторантуру в военные годы.

Во время войны А. И. Андреев, видный ленинградский историк и археограф, оказался в эвакуации в Ташкенте, а дом в Ленинграде, где он жил, где находилась его библиотека и научный архив, был разрушен бомбой. А. И. Андреева, большого специалиста по вспомогательным историческим дисциплинам, пригласили из Ташкента в Историко-архивный институт для работы по кафедре вспомогательных исторических дисциплин, куда он и уехал. Когда Б. Д. Греков вернулся из эвакуации в Москву, А. И. Андреев поставил вопрос о возобновлении начатой до революции и прерванной в 1918 г. на 7-м томе публикации писем и бумаг Петра Великого, подготовка которой и началась. Кроме того, совместно с Б. Д. Грековым было подготовлено создание Археографического совета Института истории для наблюдения за подготовкой публикаций как в Москве, так и в ЛОИИ и в какой-то степени, шире, в других научных учреждениях РСФСР. Грековым и Андреевым был составлен план подготовки таких публикаций. Президиумом АН СССР был утвержден и состав Археографического совета, председателем его был назначен Б. Д. Греков, а А. И. Андреев — ученым секретарем. Но началась кампания по космополитизму. Выше, на страницах о моих детских годах, я упоминала о моем отношении к антисемитизму. Кампания по борьбе с «космополитизмом» в связи с тем, что в ней большую роль играл национальный вопрос, болезненно переживалась близкими мне знакомыми и товарищами по работе, евреями по национальности. Глубокое удовлетворение вызывала у меня тогда позиция ряда ученых Института истории (Б. Д. Грекова, С. В. Бахрушина, М. Н. Тихомирова и многих других) и общая обстановка в Институте.

Вспоминаю, что М. Н. Тихомирову предлагали выступить в антисемитском духе и получили от него ответ: «Я в еврейских погромах не участвую». С. В. Бахрушину, который тогда заведовал сектором феодализма, предложили, очевидно, из партбюро, провести заседание с критикой работ Б. Б. Кафенгауза. Сергей Владимирович провел это заседание блестяще. Он поставил задачей заседания показать, какой вклад внес Борис Борисович в изучение эпохи Петра Великого и какие еще вопросы остаются неизученными, и указал на то, что прежде всего эти пробелы должны быть заполнены Б. Б. Кафенгаузом.

Под редакцией А. И. Андреева вышел сборник «Петр Великий» со статьей Андреева «Петр Великий в Англии», которая вызвала критику и упреки в космополитизме. А. И. Андреев был уволен из Института истории (он вернулся в Ленинград, где президент Академии наук С. И. Вавилов предоставил ему штатное место в Комиссии по истории Академии наук).

Для Б. Д. Грекова встал вопрос об ученом секретаре, и он предложил мне по совместительству исполнять эту должность, на что я выразила согласие. В 1948—1950 гг., когда Археографический совет вел большую работу, было осуществлено издание ряда публикаций, намеченных планом, и начата подготовка некоторых других <...>. Работе Археографического совета посвящена моя статья, опубликованная в «Археографическом ежегоднике за 1984 год». С одной стороны, положение в Издательстве АН было очень благоприятным для издания публикаций, так как издательство нуждалось в готовых работах. Вместе с тем в издательстве проявляли большую бдительность по некоторым вопросам. При

издании моей статьи некоторые примеры такой бдительности были исключены. В 1951 г. деятельность совета была прекращена. Это было связано с начавшейся тогда критикой работы Б. Д. Грекова как директора. Борис Дмитриевич как председателю совета было поставлено в вину недостаточное внимание к публикациям и работе сектора советского периода. Здесь не были приняты во внимание последствия 1937 г. В начале 50-х гг. торжественно отмечалась юбилейная дата жизни Б. Д. Грекова (семидесятилетие), между тем в это время уже готовилось его отстранение от должности директора, которое и произошло в 1953 г. Борис Дмитриевич скончался 10 сентября 1953 г., не зная о том, что он уже не директор Института истории. Ему не было сообщено ввиду его тяжелой болезни.

Директором института в последующие годы был А. Л. Сидоров, которого в 1959 г. сменил академик В. М. Хвостов. А. Л. Сидоров был специалистом по истории периода империализма, очень серьезный исследователь, имевший учеников. Мне представляется, что как директор он был прекрасным организатором. Его отстранение от должности директора и связанные с этим мероприятия заслуживают специального внимания.

В 50-е гг. было проведено широкое обсуждение ряда больших *проблем* истории СССР, таких, как периодизация истории СССР, развитие капитализма в России, характер образования многонационального Русского государства и значение этого процесса в истории народов, и некоторых других. Я в дискуссиях участия не принимала, т. е. ни разу не выступала, хотя по некоторым вопросам имела мнение, иногда совпадавшее с высказываниями, которые оставались дискуссионными. Так, по вопросу о развитии капитализма в России я примыкала к мнению тех историков, которые относили начало этого процесса к XVII в., привлекая высказывание В. И. Ленина о «новом периоде русской истории». Даже *больше*, мне представлялось и представляется, что уже в XVI в. наметилось направление развития социально-экономических отношений в России в сторону капитализма, протекавшее, однако, в чрезвычайно противоречивой обстановке.

Моя *работа* в штате Института истории продолжалась в дальнейшем по 1969 г. Об этом я скажу очень коротко. Буду говорить главным образом о *своем* научном пути.

В 1964 г. я защитила в качестве докторской диссертации вышедшую с датой «1963 г.» книгу «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (конец XVI в.— 30-е годы XVII в.)». Вернусь к послевоенным и 50-м гг., чтобы рассказать о ходе и условиях работы над нею. По возвращении в Москву из эвакуации я, несмотря на большую занятость по обобщающим трудам института, продолжала исследовательскую работу над темой о народах Северного Кавказа и их связях с Россией и над собранными по этой теме архивными материалами. Когда в 1951 г. была прекращена деятельность Археографического совета, а Институту истории была дана на 1952—1953 гг. одна вакансия в докторантуру, Б. Д. Греков предложил ее мне. Я не понимала, что мне лучше было от этого отказаться. Как полагалось, тема и объяснительная записка к ней были обсуждены в трех инстанциях, и мое дело направлено в отдел докторантуры *Президиума* Академии наук, откуда вернулось с отказом и предложением предоставить вакансию специалисту по советскому периоду. Она и была предоставлена вполне достойному кандидату С. И. Якубовской (с которой у меня сложились очень хорошие отношения). Тогда названная выше моя тема была включена в план сектора феодализма как тема монографии. Однако и 50-е годы не были благоприятны для работы над темой вплотную. Институтом совместно с ЦГАДА к юбилею присоединения Кабарды к России был подготовлен и издан сборник документов (в 1957 г.— 1-й том), в подготовке которого я принимала участие. В 1957 г. вышел в Дагестане сборник документов о русско-дагестанских отношениях до начала XVIII в. включительно, составленный в значительной степени по собранным мною до войны материалам. Я значусь в редколлегии этого *издания*, хотя ввиду перегрузки принимала в ее работе лишь небольшое участие.

В 50-е же годы я тяжело болела и не смогла подготовить свою монографию в назначенный срок, который мне был продлен двукратно на два года. Монография была рекомендована к печати лишь в 1960 г., а вышла из печати фактически в январе 1964 г.

Защита *состоялась* в Ученом совете Института истории в декабре 1964 г. Моими официальными оппонентами были этнограф С. А. Токарев, А. В. Фадеев и А. А. Зимин. Неофициальным оппонентом должен был выступить этнограф В. К. Гарданов. К сожалению, он не смог быть на защите. Для меня наибольшее значение имел очень серьезный отзыв С. А. Токарева. А. В. Фадеев выступал подчеркнуто доброжелательно и красноречиво. А. А. Зимина я пригласила быть оппонентом в связи с тем, что в эти годы он был в тяжелом положении в *связи* с его выступлением о «Слове о полку Игореве». Обсуждение его доклада проходило в условиях, исключавших свободу высказываний. Александр Александрович не раз просил меня прочитать его *работу* о «Слове о полку Игореве», но я уклонялась от этого, так как это потребовало бы от меня длительного знакомства и с текстом, и с литературой <...> Считаю, что

вопрос о «Слове о полку Игореве» до сих пор остался дискуссионным. Не имею возможности следить за литературой об этом. Очевидно, сейчас преобладает отношение к этому вопросу академика Б. А. Рыбакова, позиция которого и исключала в свое время свободное обсуждение вопроса.

Моя книга в связи с вышедшим в начале 60-х гг. ограничением листаж монографий хронологически не вышла (во второй ее части о международном положении) за 30-е гг. XVII в. и предполагалось, что после защиты я подготовлю к печати второй выпуск монографии — до конца XVII в. Материал для этого выпуска был мной в значительной степени собран. Но судьба решила иначе. Во второй половине 50-х гг. была восстановлена Калмыцкая автономная республика, которая была ликвидирована в конце войны, а калмыки, выселенные тогда в Сибирь и Среднюю Азию, возвращены на родину. Из ЦК КПСС Институту истории АН СССР было дано поручение срочно осуществить подготовку «Истории Калмыцкой АССР». Для подготовки 1-го тома по досоветскому периоду был выбран Н. В. Устюгов, который должен был определить состав авторов тома как из калмыцких ученых, так отчасти и из московских монголоведов. К 1963 г. у Н. В. Устюгова уже были авторские тексты глав и параграфов, и он начал работу по редактированию. Когда я в 1963 г. навестила его в санатории «Узкое», он был занят вплотную этой работой, несмотря на свой отпуск.

В сентябре 1963 г. Н. В. Устюгов скончался скоропостижно во время научной сессии в Вильнюсе. Встал вопрос о замене его как редактора. Вдова Николая Владимировича А. Н. Устюгова и заведующий сектором феодализма Л. В. Черепнин попросили меня закончить работу по редактированию тома. Я дала согласие только при условии привлечения второго ответственного редактора монголоведа И. Я. Златкина (Н. В. Устюгов был оппонентом на его докторской защите). И. Я. Златкин согласился, но, оговорив, что он будет редактировать лишь период феодализма до конца XVIII в. На мою долю осталось редактирование глав по XIX в. и периоду империализма. До того я не занималась историей кочевых народов. Это поручение, от которого я не сочла возможным отказаться, потребовало от меня напряженной работы.

Первый том «Очерков истории Калмыцкой АССР» вышел из печати в 1967 г. в очень хорошем оформлении благодаря тому, что заведывание изданиями по истории СССР в Издательстве АН СССР выполнял тогда А. И. Юхт. Работа над «Очерками по истории Калмыцкой АССР» оторвала меня от привычной для меня тематики. Вместе с тем я и в этот раз заинтересовалась работой. Шефство взял на себя В. И. Шунков, бывший тогда секретарем Отделения исторических наук. Благодаря его вниманию было осуществлено обсуждение в Москве ряда дискуссионных вопросов истории калмыков. Заседания эти, благодаря В. И. Шункову, были организованы очень серьезно, с приглашением монголоведов Москвы, Ленинграда и Калмыкии. В качестве примера укажу обсуждение по второй половине XIX в. и периода империализма вопроса о том, была ли Калмыкия колонией России. При обсуждении вопрос был решен положительно.

Один раз побывала я в Элисте. Небольшая делегация Института истории в составе С. М. Троицкого, П. С. Преображенской и меня привезла для обсуждения в Элисте собранные Н. В. Устюговым тексты «Истории». Эта поездка произвела на нас сильное впечатление. Мы убедились в том, с каким глубоким интересом и подъемом относятся к подготовке «Истории» жители Калмыцкой АССР. В обсуждении участвовали не только ученые, но и общественность. Так, присутствовал, хотя и не выступал, Д. Кугультинов. С выходом в свет 1-го тома встал вопрос о тематике моей дальнейшей работы (2-й том «Очерков», подготовленный Д. А. Чугаевым и посвященный советскому периоду, был напечатан несколько позднее).

Моя работа по истории народов СССР в 50—60-е гг. была очень нелегкой в связи с тем, что вставал ряд дискуссионных вопросов, иногда исключавших возможность свободного обсуждения. Это меня утомило, и после выхода в свет «Очерков истории Калмыкии» у меня возникло желание вернуться к «русской теме». Как раз в это время возник замысел монографического изучения истории холопства в России с древнейших времен до реформ Петра Великого. Период Киевской Руси должен был подготовить А. А. Зимин (что и было им выполнено), XV, XVI и первую половину XVII в.— ленинградский историк В. М. Панях, также опубликовавший ряд работ. Они предложили мне написать в этой серии исследование о холопстве на Руси от Соборного уложения 1649 г. до реформ Петра Великого. На что я и согласилась. Эта тема была включена в план моей работы по Институту истории, и я начала ее выполнение. Знакомство с материалами в ЦГАДА показало, что в этом архиве сохранились источники по теме моего исследования, которые можно назвать массовыми. Между тем тогда я уже была в таком возрасте, что не могла надеяться на их подробное исследование и анализ. Я задумала выполнение ряда источниковедческих очерков.

Наступил 1969 г. Во второй половине 60-х гг. директором Института истории СССР был П. В. Волобуев (после Б. Д. Грекова сменилось несколько директоров института: А. Л. Сидоров, В. М. Хвостов, короткое время Б. А. Рыбаков, а затем был назначен П. В. Волобуев; мне представляется, что после

Б. Д. Грекова он был в институте лучшим директором). Б. А. Рыбаков, которого П. В. Волобуев сменил в качестве директора, провел некоторые изменения структуры Института истории, которые он за короткий срок своего пребывания директором не довел до конца. Эти изменения были утверждены Президиумом АН СССР. Были созданы новые сектора Института, такие, как сектор источниковедения, исторической географии и др. Б. А. Рыбаков рассчитывал на то, что Президиум АН даст и ставки для этих вновь созданных секторов, но этого не было осуществлено: Президиум Академии наук предложил создать эти ставки за счет установления возрастного барьера и ухода на пенсию ряда сотрудников, Возрастной барьер был установлен в 70 лет. Таких сотрудников, которым было предложено уйти на пенсию, в институте оказалось 13. Были даны три ставки консультантов. Они были даны следующим сотрудникам: С. М. Дубровскому как бывшему репрессированному, А. П. Кучкину, участвовавшему в молодые годы в проведении Октябрьской революции на Урале и Э. Б. Генкиной, что мы находили совершенно правильным. Следовательно, я на пенсии с 1 января 1970 г. Помню мою беседу с Л. В. Черепниным, когда мой переход на пенсию осуществлялся. Я работала в институте с 1936 г. и в основном в секторе феодализма, где после войны был заведующим С. В. Бахрушин, затем — Л. В. Черепнин. Тогда сектор стал, несомненно, крупным центром изучения феодализма, и я чрезвычайно ценила работу в этом коллективе. В беседе с Л. В. Черепниным я сказала, что и после ухода на пенсию я не буду обрывать связей с коллективом и буду посещать научные заседания сектора так, как это делала, находясь в штате, и в какой-то степени участвовать в работе сектора. Что я и выполняю до сих пор.

Я предполагала, что уход на пенсию облегчит мне работу по исследованию названной выше темы, но обстоятельства опять сложились иначе, и у меня не хватило целеустремленности и настойчивости, чтобы их избежать. В 1970-м или в 1971 г. в Москву в командировку приехал директор Чечено-Ингушского научно-исследовательского института пожилой чеченец А. А. Саламов, который был знаком с моими работами по истории народов Северного Кавказа. Он обратился ко мне с убедительной просьбой подготовить для его института сборник документов по истории Чечено-Ингушетии XVI—XVII вв. по образцу подобного издания по истории Кабарды, т. е. с комментариями. Я не отказалась от этого предложения. Правда, я отказалась от заключения договора, так как не хотела связывать себя сроком, но договорились о том, что Чечено-Ингушский институт будет оплачивать счета машинисток как сверхурочную работу. Так как я очень хорошо представляла себе, какие материалы можно найти в ЦГАДА для этой публикации, я в ближайшие два года в основном имела уже в машинописи материалы для сборника, который можно было оформлять для публикации. В этой работе мне помогала сотрудница ЦГАДА Е. А. Швецова, которой Чечено-Ингушский институт также оплачивал эту работу.

Тогда же в Институт истории СССР была принята для двухгодичной стажировки окончившая в Грозном университет Т. А. Исаева с темой «Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVI—XVII вв.» А. А. Саламов попросил меня быть ее консультантом. Я от этого отказалась, так как считала, что для нее нужен консультант — штатный работник института. Посоветовала обратиться к Е. И. Дружининой. Она согласилась, но так как являлась специалистом по XVIII в.— при условии моих консультаций. Т. А. Исаева пробыла как стажер в Институте истории не два, а три года, в связи с болезнью ее дочери. Она начала работу в ЦГАДА над документами XVI—XVII вв., но оказалось, что овладеть чтением скорописи ей чрезвычайно трудно, и тогда Саламов попросил меня предоставить ей возможность пользования машинописью собранных для сборника документов, на что я охотно согласилась. Годы через два Т. А. Исаева начала уже готовить тексты глав диссертации, которые Е. И. Дружинина передавала мне для прочтения. Тексты эти чрезвычайно меня озаботили. Я понимала, что Таус [Исаева] приехала в Москву с уже сложившейся в какой-то степени у нее концепцией развития социально-экономических отношений у чеченцев и ингушей в XVI—XVII вв. Возможно, в значительной степени эта концепция была ей подсказана теми настроениями, которые были тогда среди историков чеченцев и ингушей. Эта концепция не соответствовала моему представлению, сложившемуся на основании документальных данных. Я понимала, что Таус использовала машинопись документов выборочно, обходя то, что противоречило ее концепции, а в некоторых случаях, анализируя данные источников тенденциозно. Два основных вопроса в ее концепции привлекли особое мое внимание. Я понимала, что Таус в разделе, посвященном территории, занятой чеченцами и ингушами в XVI—XVII вв., стремилась расширить рамки этой территории и на левый берег Терека, который был включен в границы Чечено-Ингушетии после возвращения чеченцев и ингушей во второй половине 50-х гг. из Сибири и восстановления Чечено-Ингушской автономной республики, ликвидированной в конце войны.

Второй вопрос касался уровня социально-экономического развития чеченцев и ингушей. Таус завышала уровень этого развития с тем, чтобы показать, что чеченцы и ингуши не отставали от соседних северокавказских народов, т. е. от народов Дагестана и Кабарды. Между тем, по моим

представлениям, это отставание в развитии феодализма, несомненно, существовало, оно было связано, конечно, с тем, что это развитие происходило в очень неблагоприятных для хозяйственной деятельности условиях горной местности, в значительной степени даже высокогорья. Я поделилась моими впечатлениями с Е. И. Дружининой, прося ее ознакомиться с теми документами, которые остались не использованными Таус. Но Е. И. Дружинина от этого отказалась. Она сказала, что так как чеченцы и ингуши перенесли несправедливую высылку в годы войны, осуществленную в нарушение ленинской национальной политики, нужно предоставить ей полную свободу в написании ее исследования. Я отстранилась от дальнейших консультаций. Таус написала диссертацию, в обсуждении окончательного текста которой я не участвовала. Таус очень уверенно выступала, свободно говорила по-русски и она была буквально засыпана цветами. Таус вернулась в Грозный и работала сотрудницей Чечено-Ингушского института, где работу ее очень ценили. Она, несомненно, была очень способной, и когда я пишу об ошибках в ее диссертации, я понимаю, что за них отвечает не она, а в значительной степени Е. И. Дружинина. Вместе с тем я хорошо понимаю, что Е. И. Дружинина в этом деле поступила так, как ей подсказывала ее совесть <...>

А. А. Саламов в 70-е гг. по возрасту ушел на пенсию и скончался. Директора Чечено-Ингушского института, которые его сменили, не были заинтересованы в издании подготовленного мною сборника, и я, перегруженная другими работами, не довела его подготовку до конца.

Также в начале 70-х гг. директором Института истории СССР А. Л. Нарочницким была предложена организация трех серий изданий по истории народов СССР, по трем регионам: Кавказу, Средней Азии и Прибалтике с привлечением местных историков. Без согласования со мною он включил меня в состав редколлегии одного из томов издания по истории Кавказа. Состав редколлегии был утвержден Отделением истории АН СССР. Я узнала об этом, получив утвержденный список состава редколлегии. Л. В. Черепнин также не знал об этом и был чрезвычайно удивлен поступком А. Л. Нарочницкого. Но вывод меня из состава редколлегии не был Нарочницким принят. Он считал это очень неудобным и обещал не загружать меня работой. Однако она началась и оказалась для меня очень трудной. Я участвовала в составлении проектов сначала тома по истории Кавказа в целом, затем, когда оказалось, что из-за ряда затруднений региональная история Кавказа не будет осуществляться в полной мере,— и проекта по истории народов Северного Кавказа, а также в первичном редактировании поступавших от авторов текстов. Кончилось все это тем, что в 1978 г. я подала А. Л. Нарочницкому заявление о моем выходе из состава редколлегии «по состоянию здоровья», но самому А. Л. Нарочницкому я сказала о действительной причине моего поступка.

Дело в том, что в этом году началась по инициативе профессора В. Б. Виноградова из Грозного подготовка к празднованию 200-летия добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Юбилей намечался на 1981—1983 гг. На этой формулировке для истории народов Северного Кавказа и настаивал А. Л. Нарочницкий как главный редактор тома. Я разъяснила Алексею Леонтьевичу, что считаю эту формулировку неверной и искажающей всю сложность окончательного включения Чечено-Ингушетии в состав России. Благодаря настойчивости В. Б. Виноградова, который указывал на важную политическую цель этого юбилея, благодаря установке А. Л. Нарочницкого (ЦК запросил Институт истории СССР о том, насколько предложенная дата обоснованна, и созданная в институте комиссия по этому вопросу дату подтвердила; я была включена в состав комиссии при ее утверждении, но на заседание, где обсуждался вопрос, не была приглашена: секретарем комиссии по согласованию с Виноградовым было сказано, что я болею) юбилей состоялся. Насколько я знаю, его проведение не достигло тех целей, о которых В. Б. Виноградов говорил. А формулировка «добровольное вхождение в состав России» в 80-е гг. уже была применена и к некоторым другим автономным республикам. И лишь в 1986—1987 гг. она начала подвергаться сомнению. Я рассказала подробно об этих годах моего научного пути именно потому, что вопрос о юбилее Чечено-Ингушетии нашел широкий отклик, между тем как принятая формулировка, по моему мнению и мнению ряда историков, не отражает действительного характера процесса образования Русского многонационального государства.

Мне остается очень коротко рассказать о том, как протекают мои 80-е годы. Возраст дает о себе знать, здоровье мое пошатнулось. Был поставлен диагноз хронической гипертонии, появились гипертонические кризы, вызвавшие необходимость в 1981 г. месячного стационарного лечения. Но главной моей бедой оставался и остается прогрессирующий упадок зрения. По заключению консультантов академической поликлиники, операция помочь не может. Между тем уже с конца 1986 г. я не могу читать, не потому что мне это запрещено, а так как даже лупа не помогает. Конечно, научно-исследовательская моя работа оказалась невозможной, но я все-таки и сейчас не прекращаю научных связей. Обращаются к моей памяти и благодаря тому, что мой научный путь был очень ломаным,— с разных сторон и по разным вопросам.

Я бывшая саратовка и до 1929 г. жила и работала в Саратове. У меня сохраняются связи с саратовскими историками, хотя уже не моего поколения, а более молодых поколений. Моя шестилетняя *работа* в Издательстве Общества политкаторжан вызывает обращение ко мне историков, которые занимаются изучением деятельности этого издательства. В моей научной работе в Институте истории СССР одной из основных областей была история народов Кавказа и уже — Северного Кавказа, а также история некоторых приволжских народов. Это вызывает обращение ко мне и по этой тематике. В Институте истории я работала в течение 35 лет, с первых же дней его основания. В 1986 г. отмечался 50-летний юбилей Института истории СССР АН СССР. Подготавливалась двухтомная история Института истории, она до сих пор остается ненапечатанной. Отсюда — обращение ко мне и отдельных сотрудников института, привлеченных к этому труду, и сектора истории исторической науки, где я два раза выступала в узком кругу сотрудников с рассказами. Постановления последних лет и ряд выступлений в печати, призывы к гласности и правде привели к тому, что меня забрасывают вопросами о некоторых событиях и периодах в истории института, которые до последнего времени в печати не освещались.

Как раз в 80-е гг. исполняется 100 лет со дня рождения ряда историков, с которыми я была хорошо знакома, а иногда и в дружеских отношениях. Отсюда просьбы ко мне о воспоминаниях о них. На некоторые я откликнулась страницами воспоминаний, хотя сейчас мне писать уже трудно. Так, саратовцы отмечали в 1985 г. 100-летие со дня рождения П. Г. Любомирова (в издающийся в Саратове межвузовский историографический сборник включены страницы моих воспоминаний о нем, сборник еще не появился в печати). В 1987 г. исполняется 100 лет со дня рождения С. Н. Чернова. Саратовский историк И. В. Порох готовит о нем небольшую книгу, я делилась своими воспоминаниями с И. В. Порохом и передала ему для использования письма Сергея Николаевича ко мне. Исполнится 100-летний юбилей двух ленинградских историков — С. Н. Валка в декабре 1987 г. и Б. А. Романова — в 1989 г. Отсюда — обращение ко мне из Ленинграда учеников этих ученых. Юбилей С. Н. Валка будет отмечаться в Москве в заседаниях Археографической комиссии. Очевидно, в 1988 г. в Институте истории СССР будет отмечаться 100-летие со дня рождения Б. П. Козьмина, в секторе феодализма уже отмечалось 100 лет со дня рождения И. А. Голубцова.

Все эти обращения к моей памяти в какой-то степени поддерживают мое душевное состояние, я живо чувствую, что в какой-то степени остаюсь полезной. В прошлом и в этом году я занята была важной для себя работой: мой научный архив поступает в Архив Академии наук. К сожалению, у меня никогда не хватало времени, чтобы привести его в порядок, а сейчас упадок зрения не дает возможности активно этим заниматься. Но заведующая отделом личных фондов И. П. Староверова у меня бывает и присылает ко мне молодого сотрудника отдела А. В. Мемелова, берет у меня подготовленные к сдаче материалы по частям. Один из трудных для меня вопросов при этой процедуре — что же все же пока оставить у себя. По вопросам истории народов Северного Кавказа здесь мне помогают кавказоведы-этнографы Н. Г. Волкова и Ю. Д. Анчабадзе, чрезвычайно заинтересовавшиеся новыми для них русскими документами XVI—XVII вв., которые дают им материал для этнографического изучения народов Северного Кавказа, не имевших до Великой Октябрьской революции письменности на своих языках. На этом я и кончаю свой рассказ о научном пути. Понимаю, что он получился очень личным <...>

Р. С. Я ничего не рассказывала о своих учениках и о своих выступлениях оппонентом на защитах диссертаций. Если говорить об учениках, то формально я была куратором только трех аспирантов, все они были в так называемой целевой аспирантуре: двое дагестанцев (Р. Г. Моршаев и Р. Келасов) и один кабардинец (Б. М. Моков). Но я любила общение с начинающими историками, и некоторые пользовались моими советами и делились со мной ходом своих работ. Первый раз я выступала официальным оппонентом по диссертации С. О. Шмидта в первый послевоенный год и позже выступала официальным оппонентом и по кандидатским, и по докторским диссертациям (Н. Б. Голиковой, П. П. Бушева — востоковед и др.). Выступала также и неофициальным оппонентом, последний раз в 1983 г. на истфаке МГУ по кандидатской диссертации Т. С. Магомадовой.

Примечания

¹ См. биографическую справку о нем: Политическая каторга и ссылка. М., 1929. С. 541.

² Упомянутый здесь А. А. Богданов не широко известный в литературе революционный деятель, а местный саратовский социал-демократ.

³ Назвав Гермогена «инициатором» еврейских погромов, я допустила неточность. Он не был их инициатором, но его проповеди использовались саратовской черной сотней.

⁴ «Теория исторического материализма», вышедшая без указания года издания, с утверждением в печать от сентября 1921 г.

⁵ См.: Список научных трудов Е. Н. Кушевой//Археографический ежегодник за 1979 г. М., 1981.

⁶ Темы были следующими. По русской истории: 1) Городища с сетчатой керамикой на правой нагорной стороне Волги в Саратовском крае (как поселение предков мордвы); 2) Социальный строй Киевской Руси по Русской Правде; 3) Живопись Новгорода Великого XIV—XV вв.; 4) Религиозные и политические течения на Руси в конце XV — начале XVI в.; 5) Реформы Ивана Грозного; 6) Публицистика Смутного времени; 7) Закрепощение крестьян с конца XVI в. и в первой половине XVII в. (кончая Соборным уложением 1649 г.); 8) Социально-экономические отношения в России XVIII в. (преимущественно по материалам Среднего и Нижнего Поволжья);

9) Политика русского правительства в Средней Азии в первой половине XIX в.; 10) Раннее славянофильство. Всеобщая история: 1) Фюстель де Куланж и Допш как историки феодализма; 2) Партии английского парламента первой половины XIX в.

⁷ Полагаю, что в сложной обстановке 20-х гг. мои учителя, Сергей Николаевич и Павел Григорьевич, предоставляли своим ученикам полную самостоятельность в выработке своих теоретических взглядов.

⁸ В эти годы сложилась группа постоянных участников экспедиций, из которой вышло впоследствии несколько специалистов — П. Д. Степанов, Т. М. Минаева, И. В. Синицын, отчасти моя сестра Анна Николаевна. П. С. Рыков был прекрасным организатором работ и умел убедить членов экспедиций в большом значении проводимой работы. Незабываемы впечатления от общения с природой правобережья и левобережья Волги, уральских степей.

⁹ В моей библиотеке есть изданный в 1925 г. труд В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». Т. к. тогда я специализировалась по истории России XVII—XVIII вв., мое внимание привлекли главным образом страницы этого труда, посвященные развитию мелкой промышленности и образованию так называемой рассеянной мануфактуры.

¹⁰ Насколько я понимаю, об этом есть и в печати в связи с отзывами о работе С. Н. Чернова.

¹¹ Основные его труды по истории русской промышленности XVIII в. были изданы посмертно. 26 мая 1987 г. в секторе исторической географии Института истории СССР АН СССР состоялся доклад М. Я. Волкова о работах П. Г. Любомирова. Михаил Яковлевич говорил, что вопрос об историках-марксистах и немарксистах 20—30-х гг. должен решаться не ссылками их на труды по марксизму или цитатами из классиков марксизма, даже не их самооценкой, а содержанием их исследовательских работ. М. Я. Волков дал высокую оценку трудов П. Г. Любомирова периода становления советской исторической науки.

¹² В Москве же с 1927 г. жила моя сестра Анна Николаевна, вышедшая замуж за художника Б. В. Грозевского, ученика В. А. Фаворского по ВХУТЕМАСу (Б. В. Грозевский — бывший саратовец, друг нашего детства).

¹³ См.: Археографический ежегодник за 1975 год. М., 1976. С. 309—311.